

УДК 930+94(4+7)+327(1-87)

М.Е. Давыдов

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИСТОКАМ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Рассматривается эволюция одного из современных западных подходов к генезису холодной войны. Обосновывается название данного подхода – «идеологический». На основании анализа данной концепции делается вывод о тенденциях развития современной западной историографии холодной войны: идеологизация и смещение предмета исследования в область ментальной истории.

Ключевые слова: холодная война, идеология, западная историография.

Проблема происхождения холодной войны сегодня продолжает оставаться в центре внимания многих отечественных и западных историков. Одним из наиболее важных вопросов историографии холодной войны на протяжении последних 20 лет был вопрос о множественности подходов. Мозаичность взглядов, не имеющих общего знаменателя, породила ощущение недосказанности и некоего пробела в представлениях о зарождении bipolarности. Эта ситуация привела к возникновению все новых и новых интерпретаций генезиса холодной войны. Начнем анализ с того, что еще в начале 1990-х гг. термин холодная война в отечественных исследованиях использовался в основном в кавычках. Написание без кавычек утвердилось в российской историографии в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Написание в кавычках редко, но еще встречается в исследованиях конца 2000-х [1]. Основной тенденцией историографии холодной войны в 1990-х было обращение к комплексности. Однако можно утверждать, что за прошедшие десять лет в историографии холодной войны начался качественный сдвиг, выражающийся в переходе от комплексности к новой методологии изучения холодной войны. Характерные черты этой методологии – использование теории самоорганизации и синергетики при исследовании данной конфронтации, в сочетании с изучением ноосферных процессов, а именно идеологических и личностных дискурсов и их динамики, в рамках политической, социальной и дипломатической активности, которая рассматривается в целом как информационная система принятия решений. Одним из таких направлений на Западе, стремящихся к целостному охвату всех аспектов генезиса холодной войны, является подход, который можно назвать «идеологическим».

Еще в 1991 г. А.М. Филитов [2] в своей классификации выделял «идеологическую модель» возникновения холодной войны в западной исто-

риографии. Суть данной модели сводилась к ограниченному пониманию истоков холодной войны американским истэблшментом: «Конфронтация неизбежна, поскольку советская идеология предусматривает подрыв и уничтожение противоположной системы...» [2. С. 69]. Но в период завершения холодной войны наиболее распространенными подходами на Западе к возникновению холодной войны стали комплексные постревизионистские концепции. Главной особенностью данных взглядов являлся отказ от вопросов виновности СССР или США в генезисе холодной войны. Многие авторы (М.П. Леффлер, Г. Лундestad и др.) брали за основу теорию политического реализма и сосредоточивались на изучении национальных интересов в процессе зарождения bipolarности.

В результате развития постревизионизма и открытия архивов бывшего СССР в историографии холодной войны возникает такое явление, как «новая история холодной войны». Но на рубеже 2000-х в западной историографии в ходе дальнейшего развития «новой истории холодной войны» вновь усиливается внимание исследователей к идеологии и степени ее влияния на происхождение конфликта. Основой для формирования идеологического подхода стали постревизионистские взгляды Дж. Л. Гэддиса, широко применявшего сравнительно-исторический метод при анализе истоков холодной войны. Его работы внесли значительный вклад в популяризацию той точки зрения, что начало холодной войны следует связывать не с 1945–1947 гг., а с 1917-м. И соответственно, истоки конфронтации связаны с разделением мира на два идеологических лагеря – коммунизма и либерализма. Дальнейшее развитие «идеологического подхода» связано с деятельностью международной. Программы по изучению холодной войны Центра изучения международных отношений, дипломатии и стратегии Лондонской школы экономической и политической науки [3].

В 1998 г. данную программу возглавил О.А. Вестада – скандинавский историк. Его редакция ряда работ, изданных в 2000 г. в рамках данной программы, получает положительную оценку Дж.Л. Гэддиса. И в этом же году начинается создание монументального труда «Кембриджская история холодной войны» [4]. Его вторым редактором становится давний противник идеологических воззрений Дж.Л. Гэддиса – М.П. Леффлер. В частности, в отечественной историографии А.О. Чубарьян отмечал спор середины 1990-х проходивший между историками: холодная война это идеологическое противостояние двух систем ценностей (Гэддис) или в ее основе все же лежали факторы геополитики и реальной политики (Леффлер) [5. С. 628].

В ходе работы над трехтомником, продолжавшейся около 10 лет, вызревают основные аспекты «идеологического подхода». Взгляды многих ученых, работавших над сборником (О.А. Вестада и М.П. Леффлера и др.), к концу этой работы в значительной мере эволюционируют в сторону идеологизации истоков холодной войны, что отмечено российскими историографами [1. С. 121, 125].

Таким образом, в 2010 г. «идеологический подход» кратко выражается в следующей формулировке О. А. Вестада: идеи, сформулированные Америкой и Россией, обладали огромной движущей силой, определяющей ход исторического развития. Они были универсальны и актуальны для всех времен и народов во все времена: «холодная война была столкновением идей и культур настолько же, насколько была военным и стратегическим конфликтом» [6. Р. 13]. По сравнению с «идеологизированными моделями», выявленными А.М. Филитовым, «идеологический подход», набирающий обороты в конце XX – начале XXI в., предполагает более широкую трактовку истоков холодной войны, как конфронтации между различными моделями развития (конфликт путей развития). «Идеологическим» данный подход можно назвать не только из-за повышенного внимания авторов к идеологии в ходе возникновения холодной войны, но и из-за того, что авторы рассматривают понятия «свобода» и «справедливость» в качестве базовых основ человеческого общества. Согласно трактовке данных историков, смысл, вкладываемый людьми в эти понятия, определяет путь общественного развития. В рамках холодной войны и биполярности такой подход неизбежно приходит к рассмотрению истоков данной конфронтации именно в контексте идейного противостояния. Основными представителями этого подхода на Западе являются: Дж.Л. Гэддис (США), М.П. Леффлер (США),

В.М. Зубок (США), Д.Ц. Энгерман (США), О.А. Вестада (Британия), В. Лот (Германия), Б. Штовер (Германия) и др.

Можно назвать несколько причин появления такого подхода именно на Западе:

1. Первой причиной является широкое использование сравнительно-исторического метода при исследовании истории России и США в контексте зарождения холодной войны. Так, например, Дж.Л. Гэддис пишет: «Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз были рождены в революции. Обе страны были объаты идеологиями с глобальными чаяниями: то, что работало дома, как предполагали лидеры, может быть распространено на весь мир» [7. Р. 7]. Похожим образом рассуждает М.П. Леффлер, однако используя данный подход в сочетании с психологизацией истории и сравнивая уже не страны, а опыт и историческую судьбу Трумэна и Сталина: «В то время как Сталин боролся с царским режимом... Трумэн возделывал землю и баловался бизнесом...» [8. Р. 37]. Что касается идеологии, то историк указывает, что марксизм-ленинизм стал религиозной доктриной Сталина, а его ритуальной практикой – «делать революцию» [8. Р. 12]. Идеологизация сознания и предопределила расчет на конфликт в капиталистическом лагере. Сознание Трумэна также подверглось влиянию идеологии. Леффлер пишет, что Трумэн был простым «про-американцем». «Он любил свою страну. Он разделял ее заветные ценности: либерализм, индивидуализм и свободное предпринимательство» [8. Р. 39, 47].

2. О второй причине говорит В.М. Зубок. Открытие российских архивов в середине 1990-х для западных исследователей и появление большого количества источников (стенограмм заседаний Политбюро, аналитических отчетов и донесений послдов, военных планов и т.д.) в открытом доступе, в конечном счете, вызвали новый всплеск интереса к холодной войне. Однако, как указывает В.М. Зубок, советские архивы поразили западных историков тем, что не преподнесли никаких сенсационных документов, а, наоборот, подтвердили то, что советское руководство думало и действовало в соответствии с официальным курсом [9]. Эти выводы и навели западных историков на мысль о том, что вряд ли можно говорить лишь о приоритете национальных интересов, не учитывая влияние идеологии на внешнюю политику СССР.

3. Называя третью причину, необходимо сказать, что «идеологический подход» является следствием обобщения исторического материала,работанного его ведущими создателями. Так, например, и Дж.Л. Гэддис, и М.П. Леффлер на ру-

беже 1990-х гг. работали, как правило, над несколькими аспектами возникновения холодной войны, рассматривая как широкие, так и узкие проблемы в этой теме. Например, М. П. Леффлер в двух разных работах анализировал экономические интересы политической элиты США и роль коммунистической идеологии в политике СССР. А ранее этот путь прошел Дж.Л. Гэддис – от изучения истоков конфронтации в целом к политике «сдерживания» Кеннана и анализу всех дипломатических интриг, связанных с ее воплощением в частности. Вероятно, и в том и в другом случае переосмысление и формирование «идеологического подхода» связаны с синтезом общих и частных, объективных и субъективных аспектов происхождения холодной войны и их включением в единую целостную концепцию.

4. Наконец, появление данного подхода было обусловлено одной общей особенностью западной историографии и западной философии жизни: сознание определяет бытие. После краха СССР и отказа многих ученых от марксистско-ленинской идеологии и методологии диалектического материализма у идеализма почти не осталось противников. При этом методология исследования холодной войны сочетает идеализм с теорией самоорганизации (синергетикой). Так, например, Дж. Л. Гэддис, в своем философском труде обращает внимание на взаимозависимость всех элементов нашей Вселенной и постоянный процесс превращения хаоса в порядок путем формирования и развития структур, через которые проходит информация. Воплощенная в реальности организация материи в том или ином виде представляет собой, по Гэддису, «окно возможности». Возможность может и не реализоваться, и здесь объективная реальность уже зависит от мышления и поведения конкретных субъективных людей, элиты, лидеров [10. Р. 78, 121]. Таким образом, доминанта мышления над реальностью, идеализм как общая философская основа работы западных историков предполагали существенный потенциал для возникновения и развития данного подхода.

Характерные черты идеологического подхода – это, во-первых, определение сущности холодной войны как конфликта между различными пониманиями смысла общественного развития. Так, например, М.П. Леффлер говорит, что в ходе конфронтации решался вопрос: «Кто победит в духовной битве за душу человечества после депрессии, войны и геноцида?» [8. Р. 69–70]. По Дж.Л. Гэддису, холодная война была не просто геополитическим противостоянием атомных супердержав, а соревнованием в ответе на вопрос:

«Как лучше организовать человеческое общество?» [7. Р. 84]. В.М. Зубок определяет холодную войну как «войну нервов и ресурсов и в то же время борьбу идей и ценностей» [11. Р. IX]. В. Лот указывает, что холодная война возникла из-за «антагонизма во взглядах на то, как должно быть организовано общество» [12. С. 9].

Во-вторых, авторы, придерживающиеся данного подхода, в различной степени расширяют хронологические рамки происхождения холодной войны. Обычно выделяют два этапа ее генезиса: 1917–1945 гг. – зарождение холодной войны и 1945–1947 гг. – непосредственно переход к bipolarности. В конкретных исследованиях данные периоды и их количество варьируются. Например, согласно В. Лоту, основы для конфронтации возникают в период индустриализации XIX – начала XX в. [12. С. 9]. С другой стороны, О. А. Вестад считает, что поворот в сторону конфронтации проявил себя позднее – в 1920-е гг. Использование СССР Коминтерна в межвоенный период в качестве основного инструмента международного влияния привело к тому, что коммунизм стал восприниматься американцами и европейцами как угроза [13. Р. 2].

Если О. А. Вестад делает акцент на деятельности Коминтерна, то Дж. Л. Гэддис говорит об экспансионизме Вильсоновской доктрины: «По большому счету история двадцатого века произошла из столкновения этих двух идеологий Вильсоновской и Ленинской...». Так, автор приходит к мнению, что «события 1917–1918 гг. стали символической точкой отсчета в конфликте между коммунизмом и капитализмом» [14. Р. 6]. Б. Штовер совмещает некоторые аспекты вышеуказанных интерпретаций. Историк указывает на идеологические противоречия между Россией и США, которые зрели еще в XIX в. Автор говорит, что обострение американо-русских отношений связано с реакцией и угнетением революционного движения 1880-х гг. после убийства Александра II. По Б. Штоверу, конфронтация вошла в активную фазу в 1917 г. Историк указывает: «Запад отказался от какого-либо признания большевиков», а «14 пунктов» Вудро Вильсона являлись, помимо всего прочего, также и программой, направленной против большевиков и «диктатуры пролетариата» [15. С. 29].

Наиболее необычную датировку происхождения холодной войны дает Д.Ц. Энгерман, также участвовавший в создании «Кембриджской истории холодной войны». Он считает, что этот процесс растянулся на сорок пять лет (1917–1962) и делится на два этапа. Первый этап генезиса историк называет «bipolarity» и датирует его на-

чалом 1917 г. Данный этап – это выход двух держав на стартовые позиции [16. Р. 25]. Поворотный момент в переходе от «биполярности» к «глобальной конфронтации» происходит в 1945 г. после разгрома фашистской Германии. Начинается второй этап генезиса холодной войны. Согласно Д. Ц. Энгерману, его характерная черта заключается в том, что в ходе данного отрезка времени идеология обеих стран все глубже проникала в страны третьего мира. При этом конфликт имел место на территории стран-членов противоборствующих альянсов, но никак не внутри самих супердержав. Обе стороны, по сути, становятся империями, но разного сорта. В отношении Западной Европы Америка была «империей по приглашению, а в отношении Восточной Европы Советский Союз был «империей, навязавшей себя». Так, к 1962 г. в мире практически не осталось стран, не втянутых в противоборство в том или ином виде, или таких, куда не проникла бы та или иная идеология [16. Р. 41]. Таким образом, Д.Ц. Энгерман растягивает процесс генезиса холодной войны, рассматривая в качестве конечной точки процесса окончательный раздел идеологических сфер влияния. В целом датировка, принятая данными исследователями, относит начало холодной войны ближе к началу XX в.

В-третьих, еще одной особенностью данного подхода является тенденция к созданию аффективного образа Сталина. Можно сказать, что при использовании сравнительно-исторического метода авторы не смогли до конца оставаться в стороне, и там, где речь идет непосредственно о Сталине и советских руководителях, прослеживается тенденция к сохранению вопроса о виновности и ответственности СССР и лично Сталина за начало холодной войны. Подобные аспекты содержатся и в работах, не относящихся к «идеологическому подходу». Отличительной особенностью данного подхода является, как правило, указание на существенную роль идеологической убежденности Сталина и его верность коммунистическим идеям при принятии решений.

Это заставляет многих историографов относить концепции того же Дж.Л. Гэддиса и других историков или к ортодоксальным, или к неортодоксальным взглядам. Действительно, допущенное историком сравнение СССР с образом тоталитарной всеконтролирующей империи в романе Оруэлла «1984» и аналогия между Сталиным и диктатором «Большим Братом», который со своими приспешниками держит мир в состоянии перманентной войны [7. Р. 2], не добавляет объективности современным исследованиям автора. Тем не менее Дж.Л. Гэддиса вряд ли можно назвать нео-

ортодоксам в чистом виде, так как сравнительный анализ СССР и США и проистекающие из него выводы об идеологической, духовной природе холодной войны в его концепции доминируют. М.П. Леффлер не демонизирует личность Сталина, но тем не менее тоже иногда указывает на его параноидальность [8. Р. 79].

Наиболее остро среди западных ученых критикует Сталина наш бывший соотечественник В.М. Зубок. В отношении генезиса холодной войны автор говорит, что в целом мотивы советских руководителей определялись так называемой революционно-имперской парадигмой. В 1945 г., считает он, советская политическая элита и Сталин действовали на международной арене в соответствии с потребностями безопасности СССР и государственными интересами, но в то же время Зубок говорит, что нельзя забывать, «как они [лидеры СССР] думали и кем они были» [11. Р. X]. «Идеологический радикализм» большевиков и соответствующее мировоззрение Сталина стали важнейшими причинами холодной войны.

Таким образом, сегодня можно говорить об «идеологическом подходе» как о созревшей концепции, сложившейся преимущественно в западной историографии в ходе взаимодействия и дискуссии между такими крупными историками, как Дж.Л. Гэддис, О.А. Вестад, М.П. Леффлер и др. Стоит отметить, что данный подход является на сегодняшний день наиболее оформленным с методологической точки зрения. Об этом свидетельствует выход философской работы Дж.Л. Гэддиса [14]. Центром развития «идеологического подхода» стала «Кембриджская история холодной войны». Трехтомник отражает современное состояние дискуссии по вопросам происхождения холодной войны. Следует сказать, что «идеологический подход» имеет свои региональные интерпретации и различия. Главное здесь – это тенденция к поиску виновных в историографии США и практически полное отсутствие рассуждений о степени виновности той или иной стороны в европейской историографии. Представленный материал дает нам также возможность провести параллель между «идеологическим подходом» на Западе и советской историографией холодной войны, уделявшей существенное внимание идеологии и пропаганде. Ряд советских ученых (В.Л. Артемов, Д.А. Волкогонов и др.) считали американский либерализм и антикоммунизм, а также «двойственность» западных стандартов мышления движущими силами конфронтации. Данные концепции являются взглядом на идеологические аспекты холодной войны с точки зрения диалектического материа-

лизма, формационного подхода и теории классовой борьбы. Современный западный «идеологический подход» основывается на идеализме.

Если оценить место идеологического подхода среди других концепций происхождения холодной войны, то на Западе сравнимой по уровню развития является «личностная» концепция возникновения холодной войны, связанная с психологизацией истории (разрабатывалась М.П. Леффлером, В.М. Зубком, В.Д. Мискэмбеллом и др.), а также теории возникновения холодной войны, основанные на политическом реализме (Г. Лундестад).

«Идеологический подход», переводя истоки конфронтации в металльную сферу, делает следующий шаг на пути изучения холодной войны. На его основе, и при синтезе данного подхода с «интерпретаторским подходом» (концепция ошибочного восприятия лидерами сверхдержав намерений друг друга как главная причина холодной войны), в России и на Западе возникает новая сфера применения исследовательских сил – ментальная история холодной войны (В.Л. Мальков, Ж.-К. Ромер и др.) [17, 18]. Здесь в центре внимания историков не только идеологические основы bipolarности, но и культурные дискурсы, мешавшие возникновению полноценного диалога Восток – Запад и сработавшие в качестве духовных причин конфронтации. Актуальность изучения этих проблем выходит далеко за рамки происхождения холодной войны, а результаты этих исследования могут быть применены в информационном пространстве для преодоления ментальных барьеров в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова Н.И. «Новая История “холодной войны”» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4.
2. Филитов А.М. Холодная Война: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.
3. URL: <http://www2.lse.ac.uk/IDEAS/programmes/cold-war-studies-programme/home.aspx> (дата обращения: 31.05.2011).
4. *The Cambridge History of the Cold War*. Ed. by Westad O. A., Leffler M. P. Cambridge, 2010. Vol. 3.
5. Чубарьян А.О. Послесловие // Холодная Война 1945–63. Историческая ретроспектива / под ред. Н.И. Егоровой и А.О. Чубарьяна. М., 2003.
6. Westad O.A. The Cold War and the international history of the twentieth century // *The Cambridge History of the Cold War*. Ed. by Westad O. A., Leffler M. P. Cambridge, 2010. Vol. 1.
7. Gaddis J.L. *The Cold War. A New History*. N. Y., 2005.
8. Leffler M.P. *For the soul of mankind: the United States, the Soviet Union, and the Cold War*. N. Y., 2007.
9. Интервью В.М. Зубка медиагруппе Континент [сайт]: http://www.kontinent.org/article_rus_486c4e10859d1.html (дата обращения 31.05.2011).
10. Gaddis J.L. *The Landscape of history How Historians Map the Pas*. Oxford, 2002
11. Zubok V.M. *A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev*. UNC Press Books, 2007.
12. Лом В. Разрядка и преодоление холодной войны // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы / под ред: Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003.
13. Hanhimäki J.M., Westad O.A. *The Cold War: a history in documents and eyewitness accounts*. Oxford, 2004.
14. Gaddis J.L. *We now Know: Rethinking the cold war*. Oxford, 1997.
15. Stöver B. *Der Kalte Krieg 1947–1991: Geschichte eines radikalen Zeitalters*. München, 2007.
16. Engerman D.C. Ideology and the origins of the Cold War 1917–1962 // *The Cambridge History of the Cold War*. Ed. by Westad O.A., Leffler M.P. Cambridge, 2010. Vol. 1.
17. Мальков В.Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.
18. Ромер Ж.-К. Холодная война или противостояние Восток – Запад: некоторые методологические размышления // Холодная война и политика разрядки: дискуссионные проблемы / под ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003. Т. 1.